

Литературный журнал
Артикль №5

Коллектив авторов
Артикулъ. №5 (37)

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Артикул. №5 (37) / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901175-6

В этом выпуске израильского журнала «Артикул» широко представлены талантливые современные авторы: поэты, прозаики, критики, философы, публицисты. Каждый из них – ювелир словесного искусства, мастер текстового волшебства; каждый уникален и неповторим. А вместе они составляют великолепную палитру текущего литературного процесса, в котором хороши все жанры, кроме скучных. Краски и образы Святой Земли – самый достойный фон для напряжённых и успешных исканий в сфере мысли и слова.

ISBN 978-5-44-901175-6

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

ПРОЗА	6
Марк Зайчик	6
Случай у ресторана «Хабанеро»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Артикул №5

Редактор Яков Шехтер

Редактор Михаил Юдсон

ISBN 978-5-4490-1175-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЗА

Марк Зайчик

Случай у ресторана «Хабанеро»

Ненормальная всегда сердитая баба из 7-й квартиры встретилась с ним взглядом, когда он спускался вниз со своего пятого этажа. Она поправила свои круглые очки без оправы тонким указательным пальцем и, сердито фыркнув, захлопнула входную не дрогнувшую дверь. Эта дверь выдерживала и не такое.

Каждый день эта баба, ласково курлыча, кормила окрестных кошек, ближе к ночи, выходя к ним на улицу с пластиковой тяжелой сумкой, наполненной сухим кормом и Бог знает, чем еще, никогда Креш не мог понять что это. И мяукающее, шипящее темное стадо кошек с поднятыми хвостами, повторяя ее легкие шаги, устремлялось в глубину автостоянки, которая к счастью была заасфальтирована и хорошо отмывалась из шланга домкома от последствий переедания.

Креш двумя движениями все еще гибких рук отстегнул от столба свой самокат с мотором и неудобным сидением, небольшое совершенное изделие, и бесшумно и хищно покатил по асфальту к главной городской магистрали, названной именем поэта, рожденного в Малаге и умершего в Валенсии. Он освещал себе путь резким и узким желто-зеленым лучом из фары на прямом руле, изготовленном из модного алюминиевого сплава. Карбоновый руль может и легче, но дороже и для самоката в такую цену не подходит. Луч этот был иссечен крупными каплями дождя, вдруг рухнувшего два дня назад на побережье Средиземного моря. Креш ехал на работу в ресторан, где каждый вечер готовил дивные супы по собственным рецептам. Популярный ресторан этот держал армейский друг Креша, оттянувший с ним почти всю лямку действительной службы: 24 месяца из 36 положенных. Креша списали оттуда с необъяснимой армейской формулировкой «за психологическую несовместимость с действительностью», а друг и напарник все вынес, терпеливый не брезгливый мужик с жестким сердцем, с прозрачными глазами. Он отслужил четыре года сверх положенного срока, получил два знака доблести, два ранения, одно очень тяжелое во время мрачной заварухи на чужой территории, изуродованную левую руку, нервный тик левой стороны лица и приличную пожизненную пенсию по инвалидности.

Он долго думал, чем заняться на гражданке. Он был из зажиточного дома. Зажиточного, но не более того. Потом он не вдруг открыл на 5, не прочных столов ресторанчик, который неожиданно в этом бесконечном царстве тель-авивского питания имел успех. Он купил соседнее помещение, сделал ремонт и в заведении на 43 стола дело пошло под гром фанфар и колоколов. Он и сам любил хорошо пожрать, был доброжелателен, не озлобился после ран и службы, не остекленел, как это произошло с некоторыми. Накормить других людей ему было в кайф, он вообще был кайфовый человек. Его звали Коган. Таль Коган, для справки. Уже таких фамилий мало в Израиле сегодня, все хотят быть просто Коенами, меняют буквы и имена. С известной стыдливостью, с оглядкой, но меняют, время почему-то требует от людей других звучаний имен собственных, эпоха такая – эпоха смены имен.

У Креша имя было совсем другое. Просто в школе он однажды в классе 5 что ли, заступился за новенького «русского», смешного сероглазого мальчика в теплой рубашке с длинными рукавами. Того дразнили и обижали, он надувался, обижался так, что краснели уши и щеки, на переменах стыкался во дворе, но шансов у него не было – все были против, ржали и ста-

вили ему подножки и спрашивали про валенки. Так и говорили «валенки Ивана», хотя звали паренька совсем иначе, его звали еще более странно Глебом. И вот Арье, так звали Креша, подрался с двумя одноклассниками, которые изгалялись над этим самым Глебом больше всего. Ему это не нравилось, когда все против одного. Он занимался дзю-до и старался не причинить им вреда. Одна девочка, которая ему нравилась, надула свежие полные губы, которые сводили Креша с ума, и отвернулась от него, кажется, осудила. Но сейчас ему было все равно, иногда, думая о правоте, он терял ощущение реальности происходящего. Мальчиков этих, удивленных от вмешательства «своего», он победил, предупредив, чтобы больше этого Глеба не трогали. Взял с них слово, которое они произнесли нехотя. Глеб, полуотвернувшись, благодарно пожал ему руку. На другой день Глеб на перемене опять подошел к нему и сказал, что теперь Арье «Кореш». Так Арье стал Крешем, кажется, навсегда. Креш говорили в школе, Кореш сказать было невозможно и непривычно.

Та девочка, которая ему нравилась, перешла в другую школу, родители переехали в другой район или разошлись, что ли. Неизвестно. Глеб потом Крешу говорил, что встретил ее случайно в кино, назвал «сладкой сучкой», не объясняя. Он был развит не по годам этот Глеб, учил испанский дома с учителем, знал про сурового мистика Вагнера, почитал Пазолини, поклонялся Ницше. И вообще. Мать его была психиатром, женщина с жуткими глазами, Креш однажды увидел ее и испугался, маленький был, несмышленный, но с интуицией.

Креш слышал, что сейчас Глеб зарабатывал на хлеб насущный, считая чужие деньги в Рабочем банке. Здесь неподалеку, но никак было до него Крешу не добраться. Да и не очень-то и хотелось.

В черной, как бы лаковой луже у пешеходной дорожки отражался качавшийся фонарь, висевший возле светофора над дорогой. Машины двигались нервозно из-за мокрого асфальта дороги. Из окна, проехавшей совсем рядом с Крешем «тойоты» вылетел окурочок и упал за его спиной оземь. Народ ехал гулять, выпивать и ужинать, время активного отдыха и насыщения. Тугая девка в широкой короткой юбке прошла мимо Креша, ожидавшего зеленый свет, с презрительным и надменным видом. Плоское желтое в свете вечера лицо ее без морщин и краски демонстрировало независимость и превосходство. Креш знал, чего стоило все это выражение женского лица, и не повернул головы вслед ее подвижным ягодицам и нежной спине. Он знал про женщин кое-что секретное, им самим неизвестное. Бежево-розовая полная нога девки стоила внимания и более того. Но проехали, Креш ее уже пропустил, забыл. Женщина Креша была в библиотеке, он в этом и в ней был уверен. Никакие подозрения по поводу женщины его не посещали. Он был спокоен и тих, ехал на любимую работу к своей замоченной раньше чечевице, порубленным, отмытым и вычищенным помощником бычьим хвостам, сирийской фасоли, марсельскому рыбному супу, к рукастому подручному, по имени Рами, которого Креш в полголоса, так как он обижался на европейские имена, называл Рахмонес, к негромким звукам блюза из зала и так далее.

В ресторан он зашел с заднего хода, пройдя по диагонали через дворик с мусорными ящиками и котами по углам. Самокат пристегнул к столбу возле внимательного охранника Семена у главного входа. Семен этот, по слухам, был офицером русской полиции, так называемого ОМОНа или АМАНа, как называли его с веселым почтением и Таль и Креш, которые сами служили когда-то в этом самом израильском АМАНе, что совсем не то же, что ОМОН, ничего схожего, только согласные буквы повторяются. Но службу Сема нес справно, ни с кем не конфликтовал, Таля почитал, Креша уважал, на людей смотрел снисходительно, он знал про них непозволительно много. По почкам никого не бил, и не думал даже, зачем, когда и так можно, по-человечески, завести руку за спину и нагнуть к земле по мере надобности. Но надобности и не было. С ним не связывались даже самые крутые шпанюги: во первых от него исходила волна жестокого, уверенного и цепкого дяди, от которого не отцепиться ни за что – неизлечимая хватка русских милиционеров, во-вторых, за ним был Таль, человек взрывной, не думаю-

щий о правилах и очень опасный, несмотря на фамилию, как у большого неисправимого хнуна, ну, и потом заторможенный, как бы скованный, Креш, с которым никто и никогда не цеплялся после известного случая, потому что себе дороже. Все здесь близко, все известно про всех, кроме того, что неизвестно. В общем, та еще была «тройка убийц в белых халатах», как с удовольствием говорил Сема, медленно выпивая из тяжелого тайваньского стакана белого паскудства, как он называл его сам, по окончании напряженного рабочего дня. Исключительно шведской водкой баловал его Таль, что говорить. И хоть можно было иногда здесь присесть на службе, не то, что на родине, все стоя и всухомятку, не в коня корм, бегом к язве. А уже ведь и не молод.

Домой Сема шел пешком, ему было недалеко, с удовольствием вдыхая свежий и душный запах, исходивший от мокрых кустов мирта. По правую руку была автостоянка, где работал его знакомый еще по Союзу, но которого Таль не взял к себе, по неясным причинам, не пришелся. Проницательности Талья Сема удивлялся, потому что знакомый этот был с гнильцой. У Семы не спрашивали, но гниль от этого никуда не делась, человек был так себе, хотя на вид бравый, крепкий, справный. Но нервный Таль этот видел все насквозь.

Сема был старше ребят лет на 15, ему казалось, что на все 50. Он был неправ, потому что парни эти видали большие виды, и кое-что пережили, что и пережить невозможно, год их жизни на службе можно было засчитать за три вполне. Сема об этом догадывался, но все равно считал, что уж он-то видел и знает все. Их чужая жизнь в ласковых тропиках виделась ему как аперитив к настоящей его жизни в тьмутаракани и холоде. Что делать, когда русские всегда считают себя самыми-самыми, не без справедливости. Часто оплачивают эту свою азиатскую уверенность сверх цены. Сема знал, что он несовершеннолетний человек, относился к этому как к милому, неизлечимому недостатку.

Рамаи все приготовил к приходу мастера, каковым считал Креша. Все было вымочено, отчищено, нарезано, сложено: картошечка, лучок, чечевица, порубленные на куски хвосты, мелкая белая фасоль, головы морской и речной рыбы. А также морковь, корешки, томатная паста, помидоры без кожицы, лавровый лист, все предусмотрено, все учтено. Все-все. Только приложи руку, Креш, и все будет. Белоснежный передник и накрахмаленный колпак на вешалке, сверкающие ножи всех размеров и видов прикреплены к длинному магниту, специи в закрытых коробочках, японская чернейшая соя необыкновенной силы в широкой бутылке... Шеф-повар ресторана был, конечно, настроен к Крешу враждебно и иронически, но Таль все пресек. Талья боялись и его решения не обсуждались, Креш был неприкасаем в этом месте.

Выгнали Креша из части за неделю до окончания всего 24-месячного курса подготовки. Все он прошел. Уже и специализация была. С некоего этапа они проходили узкую армейскую специализацию: снайперы, подрывники, снэплингисты и так далее. Но здесь было ориентирование на местности, которое Креш очень любил, он же не знал, что будет так, относился ко всему как к игре, он вообще был игровой человек. А какая это игра, дурацкие упражнения в темноте с собачьей кровью и чужой смертью. Бежали ночью в парах. Напарником Креша был Таль, которого ребята из их группы иногда называли Куга, производное от фамилии. Было не жарко и не холодно, самая та погода. Креш на почти вертикальном подъеме от гудевшего черного моря, карабкаясь по крепкому насту дюны наверх, вспомнил барышню, дежурившую вчера на складе, где они получали часть инвентаря. Такая серьезная, со свободной грудью, складная, ходила, как пела, все выдала Крешу и наклонилась вперед с вопросом: «Что-то еще?» «Эх, – засмеялся он, – эх, может послезавтра?» «Конечно, послезавтра», – отозвалась она, быстро улыбнувшись, сверкнув мелкими зубами в тени полок и стен. «Эх», – сказал Креш и ушел. Кабы знать. Еще дожить надо до послезавтра. На стенах склада не было никаких плакатов, графиков дежурств и прочей стандартной бодяги, деловой старшина Шлейме-Залман, ответственный за оружейную и снаряжение, этого не любил. У девушки, которая ему выдавала

добро, на столе стоял календарик с цветной и густой картинкой осени, над которой стояла блеклая надпись НОЯБРЬ. В ноябре было дело.

Когда наконец взобрались наверх, Таль тянул Креша, хватаясь другой рукой за жесткие кусты на склоне, было еще очень темно. Креш знал, что там должна быть небольшая рошица, где нужно было забрать документы у раненого солдата, его не трогать, добежать до стрельбища, отстреляться и все. Быстрым шагом они зашли в рощу. Под второй по счету иерусалимской елью лежал мертвый человек. Таль включил мощный фонарик на своей каске. Концентрированный луч осветил мертвое щетинистое лицо, мокрую военную форму, застегнутый бронезилет и кроваво-сиреневое дымящееся месиво внутренностей на животе. Нос и глаза у парня отсутствовали, залитые кровью и мелкими осколками костей. Документы должен был искать Креш. Таль отодвинул его в сторону и начал деловито нащупывать липучки, застегивавшие бронезилет. «Что он там держит в пальцах? Желчный пузырь, нет? Да, желчный пузырь», подумал Креш.

Он отошел на три шага, после бессмысленного наблюдения за руками Таля, и выbleвал, упираясь лбом в холодный ствол дерева, все, что в нем было. Всю суть и вторичную субстанцию своего желудка, все-все. Неожиданно много в нем было всего, хотя ели они совсем немного за последние часы. «Забросай песком блевотину», сказал Таль, не прекращая обыскивать труп мокрыми руками. Креш вытер лицо рукой, выпил воды из литровой пластиковой фляги и тщательно нагреб ногой песка на свою блевотину. Потом он нашел сухой куст и бросил его на все сверху, он знал, что могут быть последствия у этого. Таль уже нашел нужный документ, снял дискет с шеи мертвеца и они двинулись дальше. Уже начало светать за эти минуты. Креш ничего не чувствовал особенного. Отстрелялись они после второго подъема на холм хорошо. Потом они медленно разделись, скинув с себя обмундирование, оставив в угол каски, автоматы, 40-сантиметровые с зазубринами ножи в кожаных ножнах, подсумки на липучках, аккуратно сняли свои странные башмаки со сплошной подошвой без каблука и рисунка, перебежали по холодку из раздевалки, нырнули в душевую и повернули ручки воды до отказа. Яростно и счастливо они помылись в душе в палатке за забором, сладко вдыхая свежий запах хвойного шампуня, смешивавшийся с запахом нагретой хвои редких деревьев вокруг крашеного штабного сарая с небольшим нарядным окошком. Зеленого цвета мыло тоже было хвойное у них, армия отдавала в этот день хвоей. Потом они пошли спать. Без снов, во всяком случае, Креш снов не видел.

Когда проснулись через три часа, их позвали к начальству. Один из двоих был их друг, командир группы, а другой полужнакомый жилистый майор в аккуратной гимнастерке-распащонке, старший. Майор сказал Крешу, глядя ему в глаза, что его отчислили. Не отчисляют, а отчислили, мол, говорить нечего. Никого не было вблизи, когда Креш выbleвал свою душу минувшей ночью, Таль сказать не мог, это была не его, как бы скажем, поэтика. Значит высмотрели и решили выгнать, так как не доложил сразу, дал слабину. Армия есть армия, упертая организация, с которой трудно сладить. Командир группы, человек с проблемой в произношении букв эр и эл, ничего не сказал, смотрел в стол, рука у него была как сковорода у Крешиной тетки, такое чугунное изделие, произведенное в белорусской деревне, весом килограмма на полтора. Сейчас этому славному мужику было не по себе, так показалось Крешу. Ему был 21 год без двух месяцев, а казалось, как совсем старику, что жизнь прошла и закончилась. Он был расстроен так, что желтого цвета стены в комнате плыли от него в неизвестную бездонную пустоту. Командир группы пожал ему руку, не он правил здесь бал. Зазвонил телефон, майор положил руку на трубку, но не снял ее, ждал, когда Креш выйдет вон.

С Талем он простился наскоро, пожал руку и ушел, без лишних разговоров и обсуждений, не думая, что увидит его через 5 лет, да и то случайно, на углу улиц Арлозоров и Ремез в Тель-Авиве, неподалеку от конструктивно неловкого здания профсоюзов и скучной стены Рабочего банка. Таль, которого все ребята звали «белокурой бестией» за ржаного цвета волосы и пронзи-

тельно синие глаза, деревенский бес, был сентиментален и холоден. Он, конечно, пошел тогда говорить за друга, но его отослали, сказав, что «приказы не обсуждаются». «Кто сказал так?» – кричал Таль. «Остынь, уходи, нарвешься», – сказал Талю командир их группы не без досады. Так все и закончилось. На обратном пути Креш, дрожавший от бешенства, заехал на базу, обжитое за два года место, и зашел в оружейную. Хотел погрызть чужого тела, задохнуться от мяса. Позавчерашней ласковой, податливой, как он правильно посчитал, солдатки не было, за столом сидел сутуловатый парень в грубом резиновом фартуке и возился с русским автоматом, здесь это оружие ценилось за безотказность, ну и из сентиментальных чувств, конечно, люди их военной профессии все больше сентиментальны и чувствительны. Не все, конечно, но многие.

Креш вышел на двор курнуть, потому что на кухне было жарковато со всеми этими надраенными Рахмонесом до блеска кастрюлями с супами, наполнениями, соусами и запахами. Из темноты к нему осторожно вышел рослый мужчина, на свету лампы над дверью Креш отметил мощные ключицы, длинные руки, расслабленное скуластое лицо, неуверенные сиреневые глаза и футболку с нарисованной ракеткой для настольного тенниса. Внешность у мужика была выигрышная, несмотря ни на что. Ситуация была для него заведомо проигрышная.

«Мир тебе, мужик. Можно тебя на минуту? Работы у тебя нет?» – спросил мужчина. Слова его звучали вопросительно без просьб, подлаживания и слащавости. Это понравилось Крешу, он не любил, как и многие люди его поколения, просьб. Никто ничего не даст, если просить, лучше отнять или отойти ни с чем.

«Извини, брат, – сказал Креш, – я понимаю, что ты насчет работы, у меня нет для тебя работы. Ты вообще откуда?» – сказал Креш.

«Я из Шхема, у меня ребенок здесь у вас в больнице тут, слава богу, взяли и лечат, а я вот пробрался побыть с ним, только не пускают, строгие, заразы» – рассказал человек из Шхема без особого выражения. «А что ребенок-то? Лечат?» «Слава Богу, стараются, кажется, помогает. Я молюсь, вся семья моя молится, братья, жена» – сказал мужик.

«Ты сколько времени здесь?» «Да уж третий день, ночью на пляже, вот работу ищу, к мальчику меня не пускают, гады, хотя охрана там из собратьев моих, но они строгие и ни в какую, за место, наверное, боятся, чего же еще».

«Так ты без разрешения? Погоди», – сказал Креш. Он сходил в кухню и в подсобке, где оставлял куртку и сумку, взял из кармана 200 шекелей. Креш вернулся и отдал деньги мужику из Шхема вместе с хлебной лепешкой, в которую сунул кусок отварного мяса и соленый огурец.

«Давай, мужик, порубай немного», – сказал Креш. Человек взял деньги и хлеб достаточно быстро. Но осторожность в нем ощущалась. «Давай, бери, все не кошерно», – сказал Креш без улыбки, он хотел все это сгладить как-то, заиграть. «Спасибо, спасибо, ты не думай, вот мой документ, еще с тех пор, когда у меня было разрешение на работу», – быстро заговорил араб. Он раскрыл перед Крешем паспорт в пластиковой обложке, держа его в дрогнувшей рабочей руке. Креш в полутьме запомнил все данные этого человека с одного взгляда, когда-то его этому хорошенько учили. «Я тебя найду, давай, Ахмед, давай, – сказал Креш, – не надо благодарностей». «У меня мобильник есть, брат подарил, щедрый человек, всему меня учит, не бойся, говорит, не надейся, не проси, очень умный и правильный человек. Сейчас ведь праздник у вас, территории закрыли, потому я вот так и такой», – объяснил Ахмед и ушел. Проходя мимо главного входа, он съезжился, постарался уменьшиться в размерах, но омоновцев бывших не бывает, ведь так?!

Семен, как говорили когда-то, сфотографировал мужика и отложил фото в близком и доступном для себя месте. Всю эту братию Семен вычислял мгновенно и гонял их нещадно, как его наставлял Таль. «За что деньги платят служивому? – спрашивал Семен себя и отвечал себе. – За службу». И поощрительно добавлял очень довольный: «Правильно, молодец капи-

тан». Ахмед исчез за углом, провожаемый подозрительным осязаемым азиатским взглядом Семена.

Таль их терпеть не мог после своего ужасного ранения в Ливане, просто терял рассудок при одном виде этих людей. Никто из них у него в ресторане не работал ни в каком качестве. Даже замечательных блюд их кухни в его меню не было. Таль, человек добрый и сентиментальный, который мог отдать рубашку постороннему, менялся в лице при виде этих людей. Их имен он не произносил, не мог слышать даже. «Тарантулы, б-ядь, скорпионы», та ситуация, при которой он был ранен, а друзья его погибли бесследно, по его мнению, оправдывала такое мнение. Креш же был далек от национальных и политических проблем, но все, по его мнению, понимал. На мякине его было не провести. Мясо он ел, конечно, хотя предпочитал овощной или чечевичный суп, обходясь без второго, не любил перегружаться, потому что мешало думать и учиться. Да и денег особых у него не было, так, на жизнь, пропитание и все. Вот женщина его была склонна к вегетарианской пище, но пока все-таки ела и копченую гусятину, и котлетки, и рагу, и телячий нежный супчик с зеленью и морковью, и все-все, что приносил Креш домой и скармливал ей с ложки, он ее обожал. А ей казалось все это великолепие какого-то бумажного вкуса, но она ела, потому что не хотела Креша огорчать. Мясо и рыба вызывали у нее отвращение, но любовь к нему была сильнее ненависти к такой пище.

Одна история буквально убедила Креша в том, что его друг не в полном порядке. Они ехали вместе в машине по 4-му шоссе в хозяйство, где Таль закупал двухмесячных цыплят. В дороге их два или три раза подрезала без надобности машина с пятерыми самаритянами, как их называл Таль, физически не в состоянии произнести более точное слово. На третий раз Таль, водивший машину после армейского курса виртуозно, перекрыл им дорогу. Все остановились. Пятеро мужчин, крепких, молодых, здоровых, стройных, с раздраженными, бешено веселыми лицами продвинутых феллахов вышли им навстречу. «Сиди здесь, я сам», сказал Таль и выскочил наружу. На счастье Креш не послушал друга и вышел вместе с ним, иначе неизвестно чем бы все кончилось. Потому что через минуту шофер земляков лежал лицом на капоте своей бордовой машины, а Таль держал у его виска парабеллум стального цвета 9 мм калибра и тихим голосом спрашивал его: «Ты кто, грязь, ты кто такой? Я тебя сейчас смешаю с этой землей и друганов твоих, сделаю вас всех охрой и глиной, ты меня понял?» Несчастный ничего не понял, откуда это на него упало, он мычал, нос его был размазан по капоту, он все понял. Если бы Креш не оттащил своего друга, обхватив двумя руками за натянутое тело, то все кончилось бы ужасно. Таль отмахивался, но Креша учили там же и тому, что и Таля. По дороге мимо остальных четырех, в ужасе застывших с отставленными челюстями, Таль изловчился и разбил рукояткой стекло шофера. Но это уже были мелочи. Псевдосамаритяне, псевдо, потому что настоящие самаритяне смиренные мягкие рыжие люди не без тяжелых комплексов, погрузились и так же молча умчались в свою деревню, Креш держал Таля руками и пытался успокоить. У парня стучали зубы и он держался за руль белыми от усилия руками.

Придя домой, Креш включил компьютер. Женщина его спала в смежной комнате, всего у них было полторы комнаты на двоих, вполне хватало. Креш связался с приятелем, который был в теме. Они служили с ним вместе, Креш подался после своей неудачной армии в повара и студенты, а этот устроился в «контору», как говорится. Иногда он приходил к ним в ресторан, хлебал крепкий супчик, выпивал полбокала «Хеннеси», жевал лимон с грецкими орехами, так нужно было пить этот коньяк по его словам, он это знал наверняка, расслаблялся. Таль выходил поздороваться, он людей этой профессии не слишком жаловал, но читил. Пожав ему руку, не сказав ни слова, Таль уходил к себе в кабинетик, думать о будущем и настоящем, читать Тацита. Вот такое: «И всё же я не пожалею труда для написания сочинения, в котором пусть неискusstным и необработанным языком – расскажу о былом нашем рабстве и о нынешнем благоденствии. А тем временем эта книга, задуманная как воздаяние должного памяти моего

тестя Агриколы, будет принята с одобрением или, во всяком случае, снисходительно; ведь она – дань сыновней любви».

Однажды Креш, заглянувший к нему за чем-то, застал Талья за чтением. Тот смешался, что само по себе было невероятно, захлопнул книгу и положил ее в стол. «Вот видишь, старею, наверное», – пробормотал этот парень, заметно покраснев. «Думаю, может быть, откроем монгольский ресторан, а, Крешуня?!» Креш смутился не меньше его. Кстати, он был после армии полтора месяца в Монголии, которая его потрясла простором, мясом, чаем, людьми, девушками, ночными танцами в Улан-Баторе, да мало ли чем может потрясти Монголия молодого еврейского путешественника. Слово «мясо» повергло Креша в почти грешные мысли об этом предмете. Как Креш понимал, Таль не мог простить той коварной и страшной засады в Ливане всей ихней нации, и не прощал.

Было 2 часа ночи, накрапывал мелкий дождь. Креш знал, что это как раз самое время для разговоров, общения, вопросов и ответов. Креш безоглядно посмотрел на свою спящую женщину, не удержался и осторожно поцеловал ее: он мог все что угодно сделать для ее счастья. В любой момент. Не думал о равноценности ее чувства, это не занимало его нисколько.

Креш записал по памяти все данные Ахмеда из его документа и послал на электронный адрес своего приятеля. После этого он позвонил ему и сказал: «Привет, Аси, не мешаю? Я в порядке, просьба к тебе, погляди данные на парня, выслал тебе на адрес все, что знал. Ок, спасибо тебе, жду». Креш посмотрел в окно на небо, которое было мрачно и не обещало доброго дня завтра. «Прямая дорога в вечность», – подумал он, увидев некую звездную дорогу шириной в восьмирядное шоссе к задымленной в эту ночь луне. Он вообще был поэтический малый с трезвой склонностью в романтизм. Это не раз с удивлением и известным восторгом, связанным с ее пылкими чувствами, отмечала его скромная, добрая и тихая женщина. Она недостаточно ценила свою красоту, доброту и сексуальность, которые были просто замечательными у нее, носила какие-то балахоны, туфли без каблука и закрытые блузки ужасного цвета. Но Креш-то все видел, несмотря на ее усилия. Обожал. Без одежды в постели или пешими прогулками по квартире по утрам эта женщина была неотразима.

Телефон зазвонил через пять минут ровно. «Слушай, – сказал Крешу приятель, – парень этот чист, на нем ничего нет, родители и жена чисты. Ребенок лечится в нашей больнице, с разрешения властей. Онкология. Диагноз мальчика нужен? Все молятся и работают, зарабатывают, нормативные люди. Есть старший брат, теоретик исламизма, настоящий убийца, осужденный на 24 года за покушение с тяжелым ранением, обменен год назад в очередной сделке по обмену. Вернулся домой два месяца назад, приехав из Турции после оговоренного отстоя. Подписал бумагу об отказе от террора, очень опасен, согласно нашей оценке. Тот еще тип, конечно. Влияет на окружающих и близких. Знать ничего нельзя, живет в доме отца вместе с семьей твоего Ахмеда. Да? Ему дают стипендию друзья по идее... Вполне приличную стипендию, может уже пожениться. Влиятелен, но я это уже тебе говорил. Ты все записал? Тогда счастливо, береги себя, старый». «Я твой должник, диагноз не нужен», – сказал ему вслед Креш.

Дождь все не переставал. Полицейские остановили свою патрульную машину у увитого виноградом входа в закрытый сейчас ресторан, работавший по доступным ценам в сфере местной и восточной кухни. Креш явно видел сверху, как они, сняв фуражки и уложив их под ветровое стекло, энергично жевали тяжелыми челюстями свои бутерброды с фабричными сочными котлетами, которые они прикупили неподалеку в круглосуточном заведении с фирменным знаком мирового лидера с красно-желтым знаком М. над зданием.

«Значит, мобильник ему подарил брат, так. Что же ты, Ахмед?! Интуиция меня подводит уже», – подумал Креш. Можно было подумать, что эта самая интуиция его не подводила прежде. Да всегда, ну, почти всегда. Сейчас еще ничего особенного не произошло, тревожиться

Крешу было нечего. Но кошки на душе скребли отчего-то. Полицейские еще не уехали, о чем-то говорили, откинувшись на сиденьях. Креш пошел спать, погода располагала. Грудь его женщины была прохладна и весома, как и всегда. Губы у нее были клейкие, набухшие, мягкие. Большое удовольствие и счастье заключается в расклеивании таких губ, проникновение в них, внедрение, вживание, замирание.

Машина полицейских на улице пришла в движение. Дежурный коротко сказал по связи, они услышали. Мужчины быстро вытерли ладонями рты, собрались, пристегнулись и, посерьезнев, сжав лица, рванули с места, включив сирену. Они понеслись по улице в северном направлении, разбрызгивая мелкие лужицы на новеньком асфальте, о котором позаботилась деловая местная мэрия, лучшая, по настойчивым слухам, на всем восточном побережье Средиземноморья. А это, к вашему сведению, самый однообразный берег с синим, бесконечно глубоким морем от Турции до Марокко, который включает в себя Газу и Египет с роскошным Синаем, великолепной Александрией и несчастную на этот час Сирию со стандартной русской военно-морской базой, любимой режимом алавитов, в городе Тартус. Или как его называли крестоносцы Антартус. На базе этой постоянно служили 50 русских загорелых и веселых моряков, находящихся в заграничной командировке по обеспечению процесса восстановления империи, которой их родина не переставала быть ни на минуту, чтобы не говорили ее недруги. А также богатый остров Кипр, который попал в этот список исключительно по протекции. За него просили наверху.

Утром Креш вскочил очень рано, как в армии, ни к доброму дню быть помянута. Армию, родную оборонительную организацию, о которой когда-то мечтал как о женщине, которой добивался как последней любви, он терпеть не мог, не скрывал этого, всегда намертво замолкая при одном упоминании кем-либо этого слова. Вот что бог может сделать. Женщина Креша понимающе брала его за руку и укладывала ее в такие мгновения, да и в другие тоже, себе на живот, который снимал с него нервное напряжение как лучшее лекарство. Он принял холодный душ по привычке и сразу пошел в кухню, где нарезал отличный вчерашний хлеб «ахид» толстыми ломтями, намазал их майонезом и молотым острым перцем без изысков, положил поверх куски копченой гусятины и сложил пять таких двойных бутербродов в стопку. В пакет он положил две луковицы, нарезанные пополам, горсть маслин «балади», три крутых яйца и крепко замаринованную розово-фиолетовую репу, которую, он знал это наверняка, обожают арабы. «Можно жить, Ахмудя, можно», – весело подумал он. Креш запоем читал сейчас книгу под названием «Колымские рассказы» автора с пронзительными глазами, с непроницаемой фамилией, чувствуя великую литературу кожей, перевод был замечательный, хотя ничего подобного этот самый переводчик не мог пережить просто по возрасту, по географии жизни. Этот секрет одаренности занимал Креша чрезвычайно.

Он наскоро простился с еще сонной женщиной, погладив ее прелести с чувством почтения и преклонения, и вышел на лестницу. Было 7 часов утра. Баба из 7 квартиры смотрела в приоткрытую входную дверь на него блестящим внимательным взглядом, от которого можно было сойти с ума на месте. Но Креш видел и не такое, она для него была легким завтраком это несчастная тетка. Он кивнул ей, прищутив свой карий глаз снайпера, и побежал вниз, перебежав через две и три ступеньки. Дом был старый, построенный лет 77 назад в функциональном немецком стиле «баухауз», линии простые, ступени высокие, но колени Креша держали его прочно. Баба из 7-й квартиры сердито хлопнула своей дверью со словами «зол стэ...», дальше было не расслышать, но можно при желании догадаться.

Во дворе Креш отцепил свой замаскированный от воров, которые что-то разгулялись в последнее время, электрический самокатик, который завелся одним движением кисти, и покатил к морю под легким и весьма прохладным дождем. Через 7 минут он был на пляже

и мгновенно высмотрел Ахмеда под пластиковым бордовым грибом на фоне хмурого моря в волнах с белыми гребнями. Араб только что умылся и медленно и сильно вытирался своей футболкой. Никого не было вокруг, только стучали жалюзи открываемого прибрежного кафе напротив набережной. Они пожали друг другу руки не без мужской церемонности: крепко, открыто и уверенно, как и полагается. Скамейки стояли по кругу, Креш уселся напротив, облокотясь на руль самоката. Он смотрел на Ахмеда внимательно и серьезно, без улыбки наблюдая за этим человеком, за движениями его худых сильных рук. Ахмед не был встревожен или напуган, вел себя спокойно, ничего он не задумывал, судя по пониманию Креша, который очень не хотел ошибиться. Старик лет 80, который прибегал сюда каждый день, бегал неподалеку от них, прыгал, улыбался, окунался в серо-зеленую воду с головой, выскакивал с раскрытым задыхающимся сиреневым ртом с бесцветными губами и ровным рядом прекрасно сработанных дорогим мастером зубов. Две девушки спортивного сложения, стройные и расслабленные, неторопливо бежали от них по самой кромке моря в сторону севера, склонив головы с собранными на затылке светлыми волосами. Они обе были в голубых рейтузах, которые у знаменитого русского писателя названы «лосинами», от вида и содержания которых можно было сойти с ума даже бесстрастному наблюдателю.

По набережной за спиной Ахмеда тоже спортивным шагом ходили люди все больше средних и пожилых лет: берегли здоровье. На правом плече у Ахмеда была глубокая почти зажившая царапина. «На вот, поешь, принес тебе тут», сказал Креш и передал Ахмеду пакет с едой. Тот взял его со смиренной благодарностью, отмеренной идеально точно. Ему было, наверное, сложно соблюдать достоинство и одновременно благодарить яхуда, подумал Креш. Почему-то здесь на этом берегу совершенно не было ни чаек, ни других морских птиц. Через километр-полтора возле порта птиц было много, все наглые, крикливые, а здесь нет, как не было. Объяснения у Креша этому нет. Возле тротуара он углядел двух ворон, которые зло ссорились из какого-то маслянистого комка. И как-то он успокоился от этого, летают, сварливые, некрасивые, недоверчивые. А вон пролетел редкий в этих краях средиземноморский буревестник, Креш его не заметил.

Ахмед ел хорошо: не торопился, аккуратно, но видно было, что очень голоден, как может быть голоден редко завтракающий здоровый молодой мужчина. Пару раз Креш поймал на себе его благодарный, странный взгляд человека, который судорожно пытается понять что-то и не может. А и бог с ним, не можешь понять и не надо, да что тут понимать-то, скажите? Что?

Вся эта грошова психология благодарности и недоверия Крешем не воспринималась. Он жил в нескольких измерениях: правда – неправда, любовь – ненависть, злоба – доброта и так далее. Никаких оттенков этих чувств он не понимал. Креш не любил обобщать, но иногда это получалось сверх его желаний.

Однажды Семен, русский охранник главного входа, «наша последняя надежда», как его иногда серьезно называл Таль, задумчиво сказал Крешу, который вышел покурить: «Вот у американцев или европейцев взгляд мутный, не ухватить, а у нас наоборот, взгляд ясный и прозрачный, как наша честь и совесть, душа и сердце». Он очень хорошо говорил на иврите, насобачился болтать за 9 лет жизни здесь, в Россию этот обладатель ясных и прозрачных глаз хитрого и жестокого умника не ездил. «Ни ногой», по его собственным словам. Так он объяснял Рахмонесу, который его слушал уважительно и внимательно, как слушают раввина в пятницу вечером.

Ахмед, подумав, сказал, что старший брат его научил достоинству и фатализму. «Знаешь, что это такое?» Креш молчал. «И просить ни у кого ничего не надо, а я за сынка своего просил, не сдержался, антагонизм с учением брата, понимаешь?» Креш понял.

Ветер принес запах свежей выпечки из уже действовавшего кафе на другой стороне набережной. Горячий пар машины, которая варила кофе из молотых колумбийских зерен, лучших из всех существующих, по мнению оптовиков и некоторых избалованных потребителей, также вырвался наружу, радуя окрестный люд. Запах этот напомнил о действительности, недостаточно сладкой, по мнению Креша, и вполне-вполне приемлемой, по мнению Ахмеда. «Сынок мой вроде бы получше, Креш, – сказал Ахмед с набитым ртом, – я звонил раньше, сказали так, понимаешь?» Креш кивнул, что понимает. Ахмед позволил себе расслабиться, что было очень заметно. Не улыбался. «Ты с женой то говоришь, она в курсе?» – поинтересовался Креш. «Сказал ей про сына, с братом потолковал, брат мой очень умный, сказал, чтобы я молился, у тебя есть брат?» – спросил Ахмед. Креш покачивал головой, что можно было понять как «не знаю, неизвестно». У него были брат и сестра, но он никогда и ни с кем не говорил о них, они остались в стороне от главной направляющей жизни Креша. На трассе ориентирования в лесу под Бейт-Шемешем Креш их потерял. Не только их, многих других тоже.

Ахмед напомнил Крешу какого-то дальнего знакомого, только он не мог вспомнить кого. Это костистое крупное лицо, впалые черные непримиримые глаза... кто это? Кошка сидела рядом и неотрывно смотрела на Ахмеда, на то, что он поглощал. Ахмед не реагировал, не реагировал, но потом оторвал кусочек мяса от последнего бутерброда и протянул животному в руке, бросать было нельзя из-за мокрого песка под ногами и вокруг. Кошка не верила в намерения человека, но желание есть было сильнее страха. Она сделала гибкий шажок, другой, осторожно взяла мясо зубами и ушла, как пришла. За пластиковой стенкой она начала жадно есть, давась и торопясь, оглядываясь, как бы чего не вышло. Ахмед, закончив трапезу, стряхнув руки, посмотрел на нее понимающе: «Так-то вот, сестренка, жизнь неожиданна, иногда хороша». Креш тут же понял, на кого он похож. Как его пронзило. Ахмед был похож на фото того русского на обложке книги, который написал «Колымские рассказы». Конечно, все совпало: не бойся, не надейся, не проси, так написал этот русский костистый дядька. Ахмед немного отступал от образа русского героя, он был другой веры и судьбы, 100 процентного сходства не было, но все-таки и здесь было не так как там, правда?! Совсем не так. Имя автора книги Креш воспроизвести не мог, это было выше его сил, а Глеба поблизости не было. И быть не могло, какой Глеб.

По набережной споро и громко проехала телега, запряженная гнедой лошастью. Молодой небритый возчик в застиранной куртке с капюшоном, напяленном на голову, наблюдал окрестности с нейтральным видом туриста. Лошадь недовольно мотала головой, демонстрируя характер. Возчик говорил ей с облучка, «тпр-р, парА, тпр-р». Изредка он вытягивал руку с кнутом и гулко щелкал им в простывшем воздухе рядом с ее крупом. Лошадь дергала вперед на грани нервного срыва, возница довольно рычал и укладывал кнут подле себя до следующего рывка. «Ну, капара, давай лети в родное Яффо к площади Часов, где меня уже заждались». Он вез овощи и фрукты для тамошних этнических ресторанов, а также картонки с яйцами и испеченные ночью хлеба с грубой деревенской, полопавшейся местами, коркой. Хлебы эти метались на столы официантами вместе с оплывшим сливочным маслом в миске и ножом-пилой для нарезания ржаных буханок. Рядом с возницей лежала немецкая овчарка, положив голову на лапы и неотрывно глядя перед собой. Ахмед посмотрел вслед этому нередкому здесь экипажу и повернулся к Крешу. «Я вечером подойду к ресторану, можно», – спросил он. Ахмед ожил после еды, воспрянул, в глазах появилась надежда. «Обязательно, только пройди осторожно мимо охранника, он всегда на страже», – объяснил Креш. Ему было неудобно все это произносить, но сказать было надо, он ненавидел эксцессы и скандалы. Он вообще был не публичный человек, предпочитая сидеть в углу и наблюдать, и слушать. Или читать странные книги посторонних здесь авторов с ужасной судьбой. На поясе у возницы был прикреплен традиционный местный нож, который называют здесь шабария. Древнее оружие бедуинов, име-

ющее ятаганную форму. Ножны были сделаны из дерева и покрыты тонким слоем металла в узор. Угрожающая форма ножа внушала страх и уважение к нему и хозяину его.

Креш, глазастый, как и все снайперы, даже бывшие, углядел шабарию, мирно дремавшую у бедра возницы, которому было явно тесно в городе, но он терпел. Заработок кормильца значительнее скуки, важнее переживаний, сильнее ревности. Изредка через одинаковые промежутки времени, возница опускал руку на нож, убеждался в его наличии и успокаивался. Профилактика своего рода. Телега с невысокими бортами удалилась со всем своим ярким наполнением, скрылась с глаз. Из сердца вон. «Я пойду, дела», – сказал Креш. Ахмед поднялся за ним и пожал его руку своей плоской жесткой кистью без теплоты, но явно дружески. Так здороваются и прощаются сахбеки, то есть друзья. Какая-то тяжкая мысль вспыхнула и погасла без очевидного оформления в мозгу Креша. Что-то связанное с ножами, которым Креш поклонялся с детства, но что именно, он никак не мог восстановить. Креш вывел свой самокат к тротуару, оседлал его и покатил в частой и не сильной пелене дождика. «Шабария, шабария», – повторял Креш. Не вспомнил, что его огорчило. Сверкающие лезвия крутили над его головой свой огненный арабский танец. Сырой плотный песок, потемневший под дождем, окрашивал этот пейзаж в густые оттенки охры, такая картина позднего Писарро, что ли: свет, воздух и темный песок. Время для ссор и выяснения отношений, тяжких запоев под текущее дождем окно и чтение загадочной прозы под зажженную с утра лампу у дивана. Полстакана и хлеб, еще полстакана и еще хлеб, взгляд на улицу с перебегающими дорогу голоногими смеющимися студентками и еще полстакана под бурчание новостей в советском радиоприемнике 50-х, купленном у старика-болгарина на необъятном блошином рынке, то бишь, на барахолке в Яффо.

Креш влажно покашлял, все-таки было прохладно. Они простились с посветлевшим Ахмедом, который гнал вокруг себя такую атмосферу веселья и радости, что хотелось предупредить его от сглаза. Сглазить может и хороший человек, говорил Крешу когда-то родственник-старик, не родившийся здесь. Он ушел по своим делам, бесшумно покатил напротив огромных окон нового ресторана, где готовили в самом центре зала, в открытую, несколько поваров и рослых поварят с элегантными движениями рук. «Звони мне, хорошо?! Номер помнишь?» – спросил его Ахмед. Креш кивнул, что позвонит и что помнит, все-то он запоминал. Брат Ахмеда его не занимал нисколько, он понимал, что у того здесь сейчас влияния нет.

Креш двинулся, толкнувшись левой ногой от асфальта, не думая об Ахмеде. У него были утром две лекции, надо было успеть к 9, а пересечь нужно было весь город, умытый, чистый, свежий. Хотя самокат уверенно и нагло решал проблему всех пробок, но кто знает, дороги скользкие. С Ахмедом тоже как-то, если не решилось, но стало понятнее Крешу. «Вдалбливают им в голову с малолетства, черт знает что», – думал Креш об этом костистом самостоятельном арабе, объезжая по крутой роскошной дуге длинноногую, с золотой цепочкой на идеальной формы шиколотке, даму, и ее уверенного спутника, с покатым животом и тончайшими часами на широком запястье простолюдина.

Добродетельным человеком Креша назвать было трудно. Он был как бы заторможен, задумчив, иногда очень опасен. С ним нельзя было связываться ни прохожему с разболтанными плечами воришке, ни хмурому смотрителю на автостоянке, ни средних лет контролеру, штрафовавшему безбилетников и намусоривших граждан, ни подвыпившему молодому мужчине, который строит себе фигуру настойчивыми упражнениями в зале после умственной работы. Креш вцеплялся в противника, обычно надуманного, как клещ. Он всегда прятал карты, играл слабо. Когда он входил куда-либо, скажем, поднимаясь по лестнице наверх, то с первым же шагом его видна была порода, его пластика сверхчеловека, его классовая принадлежность. Царский поворот головы, тяжеловатый подбородок, намеренное невнимание к одежде, широкий и легкий шаг, раскованный корпус. Отец его был приземистого роста торговцем, если быть точным. Магазин отца назывался «Тысяча мелочей», дело шло хорошо.

Свернув налево с пустого бульвара и прибавив скорости на, ну, абсолютно пустом до прозрачности проулке, Креш натолкнулся своим проникающим псевдосолдатским взглядом на крупную надпись, сделанную на аккуратном зеленом вагончике. В таких обычно сидят прорабы или бригадиры коммунальных служб, например канализационных систем, которые имеют привычку портиться в самых неожиданных местах. Бах, и пробило, и чистенький газончик стал вонючим, похожим на болото пространством, буро-рвотного цвета. На вагончике кто-то ровно, черно и сильно написал: «Ахмед – убийца и мерзавец». Креш отвернул круто голову и, притормозив, на повороте влево проехал дальше. Кольнула его эта надпись очень сильно, он не любил таких совпадений, они нарушали ему жизнь.

Вдруг он стал интернационалистом, хотя значения этого слова Креш, конечно, не знал. Что-то из первого мая, из программы лево-прогрессивной партии, из скучной телепередачи с какими-то громкоголосыми, тухлыми участниками. У Креша все знания были на уровне интуитивном. Дурацкая белозубая полуулыбка, появлявшаяся некстати, делала его похожим на какого-то популярного скандинавского не то раскрепощенного артиста, не то на сконфуженного поклонниками певца. Он не закончил свой воинский маршрут, необходимые для военной квалификации 24 месяца. Потому-то Креш не боялся всего, что происходило вокруг. Он жил возле жизни, обиженный на армейские тупые, по его мнению, законы и армейскую жизнь до смерти. Если бы не Таль и его ресторан, то неизвестно что и как с Крешем бы стало.

Уже подъезжая к университету, Креш вспомнил, что не привез Ахмеду одежду на смену, у них было примерно одинаковое телосложение. Ахмед был костистее, пошире, Креш же казался более ловким и складным. Но Ахмед был и постарше Креша лет на 7—8. Креш приготовил ему пакет со штанами и рубашкой, все было на размер-другой больше чем надо, так, как любил одеваться он сам. Все эти ночные игры с компьютером и телефонными звонками затмили память, Креш расстроился от этого. Рубаха была с флагом Италии на плече, когда-то он ее очень любил, считал, что похож на жителя Тосканы, почему-то он зацепился за Тоскану. Женщина его улыбалась и говорила, что «ты похож на Креша и только на него», она ревновала его к одежде, к которой Креш был совершенно равнодушен. Она посчитала, что он любит эту одежду больше нее, женщину было не переубедить. «Вечером возьму на работу, он придет и заберет, только позвоню на знаменитый братьев мобильник», – подумал Креш и, пройдя через гулкий холл с полом из шлифованных синих мраморных плит, привезенных из Кении, осторожно зашел в лекционный зал. Рот у него совершенно пересох, погода была какая-то дурацкая, ни то, ни се, так здесь бывает осенью, весны-то в европейских представлениях почти нет в этих краях.

В лекционной студии находилось 14 студентов и докладчик – специалист по современному Ирану, subtilный человек европейского происхождения, выучивший фарси огромным усилием воли и усидчивостью. Иначе говоря, он взял этот язык, как берут недоступную роскошную женщину, наглыми домогательствами и измором. Теперь вот он рассказывал, очень высоким, но поставленным лекторским голосом с ужимками и повторами историю современного Ирана, которая не обещала больших радостей слушателям.

Популярный лектор, прервавшись, поводит по Крешу сиреневыми, какими-то свежими глазами, недовольно ответил на приветствие и извинение, и показал кивком, чтобы проходил. «Па-пра-шу не опаздывать», – сухо и громко сказал он. Креш согласно кивал этому зануде, чуть ли не спиной. Он не обижался. Сел возле рыжеволосой, прелестной девушки с белоснежной кожей, которая охотно и легко подвинулась, освобождая место для Креша на скамье.

«Так вот, – сказал лектор, – на чем мы остановились? Не подскажите, уважаемая Лимор?» Соседка Креша поднялась, как будто раскрывала застывшие ножницы, оказалась очень высокой и стройной, как смоковница, и сказала: «В столице Ирана Тегеране жизнь резко отличается от жизни в других местах этой страны, к этому городу очень подходит известное выра-

жение о том, что Нью-Йорк это не Америка, Москва это не Россия, но Париж это Франция». Лектор явно удивился. «Спасибо вам за замечательную память и внимание, Лимор, вы заработали лишний балл на экзамене, я бы сказал, даже два балла», – отметил лектор, рассматривая девушку в упор, как картину Матисса в его зале в петербургском Эрмитаже. На этой картине было изображено в двух цветах лицо русской красавицы Лидии Делекторской, томской сироты. Эта иерусалимская Лидия теперь старательно записывала слова злобного, волевого лектора, только листы тетради трещали под ее авторучкой.

Дома Креш опять читал «Колымские рассказы», отчетливо понимая, как попадает через эту странную, великую книгу в другое пространство, незнакомое, страшное, величественное. Пространство это фосфоресцировало, как ненастоящее, но Креш его ощущал почти физически. Он как бы шел в отрепьях и страшных башмаках из автомобильных шин, качаясь от слабости и голода. Холод пронимал его до костей, он почти не боялся, потому что бояться уже было ему нечего. По сухому снежному насту, издавая славные звуки, распространяя запах бензина, очень быстро мчались грузовики и груженные самосвалы. Снежный полусумрак и болезненный голод кружили Крешу сознание, он был близок к тому, чтобы прилечь у двухметрового сугроба возле дома и заснуть без снов. Жизнь его была поставлена на кон в этом пространстве другой земли. Он попал через эту книгу про Колыму в другое пространство

«На Колыме не поют птицы. Цветы Колымы – яркие, торопливые, грубые – не имеют запаха. Короткое лето – в холодном, безжизненном воздухе – сухая жара и стынущий холод ночью.

На Колыме пахнет только горный шиповник – рубиновые цветы. Не пахнет ни розовый, грубо вылепленный ландыш, ни огромные, с кулак, фиалки, ни худосочный можжевельник, ни вечнозеленый стланик.

И только лиственница наполняет леса смутным своим скипидарным запахом. Сначала, кажется, что это запах тленья, запах мертвецов. Но приглядишься, вдохнешь этот запах поглубже и поймешь, что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы.

К тому же – мертвецы на Колыме не пахнут – они слишком истощены, обескровлены, да и хранятся в вечной мерзлоте», – вот что было написано в этой книге, которую написал писатель с непроизносимой русской фамилией.

Вечером Креш приехал на работу пораньше, потому что был большой заказ, ожидался наплыв гостей, и Таль просил быть его во всей красе. Он встретил Креша на крыльчке, стоя возле Семена, который сегодня был при полном параде: белая рубашка, галстук, лакированные башмаки, только куртка подкачала, серая какая-то, бесформенная, невзрачная. Но главное, что Семену она нравилась. Она нравилась, и это было решающим фактором в выборе этим, да и другими тоже, одежды. Семен пожал руку Крешу и празднично спросил: «Ну что, Кореш, как жизнь?» Он все время ждал от этих парней несмышленишей какого-нибудь просчета, который только он один сможет исправить. Просчеты у них были все время, Семен их не исправлял, он свои частые ошибки не мог исправить, куда ему было до чужих ошибок. Но самонадеян он был сильно. Очень мало ел, обходясь бутербродом и стаканом чая утром, больше за весь день ничего. Ну, воды попить. На ночь он съедал пластиковую баночку простокваши, «гиль» под названием. На сложении его это не отражалось. «Только зрение острее», – объяснял Семен Талю. Тот смотрел на него непонимающе. «Странный ты человек», – говорил Таль и возвращался в кабинет, считать и пересчитывать. «Все-таки Бог у них не деньги», – думал Семен, когда Таль выдавал ему премию в удачный день. «Они тоже все разные, ты смотри», – удивлялся про себя охранник на евреев. Однажды он сподобился и подумал про ребят, когда они крепко выпили и закусили в день памяти по погибшим, расслабленный от чувств и мыслей: «Все-таки грешил я на них много». Но эта мысль быстро уходила от Семена, потому что «не такие уж мы все полные дураки, все не ошибаются». Понятно было ему наверняка, кто дурак, а кто и не дурак. Ответа на свои вопросы Семен искал в мокрых боках автомобилей

у обочины. Блестящие тела их подкармливали его взбудораженное сознание. Если уж быть совсем честным, то Семен этого Таля боялся, не побаивался, а вульгарно боялся, этих стылых светлых глаз, изуродованной руки, трех его проникающих полостных ранений в живот из АК-47, его больной души. Короче, он боялся этого человека и ничего не мог с собой поделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.